

СССР, 1939 год. Вор-майданник (специалист по кражам в поездах) Рыжий орудует в поездах дальнего следования, кочуя от станции к станции, попутно изымая из карманов-чемоданов «честных фраеров» и прочих не бдительных граждан честно нажитое имущество. Так бы и бороздил просторы необъятной родины джентльмен вагонной удачи Рыжий, если бы не встретил на одной из станций трех зеков: не урок, а «побегушников» — политических, по 58 статье. Знакомство с беглым политзаключенным Седым открыло глаза Рыжему на многое происходящее в его стране...

Александр Войлошников СЕДОЙ

Глава 1. МАЙДАНЩИК

*Сентябрь 1939 г. 12
лет.*

Поезда, поезда, поезда... стук колёс, стук колёс, стук колёс... в едком дыме дрянных папирос — разговорная шелуха: про зарплату, про цены, дела... Днём и ночью идут поезда. В ритме стука колёс жизнь идёт день за днём. Для меня поезда — не транспорт, не дом. Для меня поезда, как для рыбы вода — обитаемая среда. Я майданщик, — желдорозное создание, обитать в поездах — вот моё призвание.

И в процессе эволюции зарождаются у меня новые органы чувств — железнодорожные. Например, ментов с ревизором я за два вагона чувствую. Чем? — сам не знаю... А если с заклеенными глазами и ушами посадить меня в поезд, я узнаю класс вагона и направление поезда по запаху, как муравей! Фрукты, вина, косметика — курортные юга; дыни, потная одежда — Средняя Азия; север России — кедровые орешки, лесная ягода; Дальний Восток — солёная кета, горбуша;

Забайкалье — копчёный омуль и омуль «с душком»...

Для меня любые поезда — питательная среда. В них «в поте лица» обретаю я «хлеб насущный». Как? А как уж придётся! Валет, у которого я в пристяжи ходил, за тот случай говорил: «Воровать — работа творческая, а соль творчества в том, что это не сахар. Если думаешь, что тебе всё плывёт прямо в рот — открой глаза и убедись: не сидишь ли по уши в канализации? Вор — профессия повышенного риска. Как говорят спортсмены, стоя на низком старте оглянись: не разбежится ли кто-то позади с шестом?! Получил я от Валета много мудрых мыслей и мало опыта. Но, оставшись сам на сам, в статусе сыроежки, к осени 39-го обтёрся, даже обрел кураж.

* * *

Среди ночи, стряхнув липучую дрёму, покидаю я постель в купе, наполненном сонным теплом и синим полумраком ночного освещения. Выхожу, поёживаясь, в промозгло холодный тамбур, наполненный железным грохотом ходко идущего Новосибирского скорого. Старая «выдра» из мягкой медной трубки вдрызг разносилась — проскальзывает. С трудом отпираю ею тугой замок вагонной двери в нерабочем тамбуре. Рывком

приоткрыв просевшую дверь, зябко вздрагиваю: в тамбур врывается с холодным ветром сырой туман осенней ночи и звонкий, резкий стук колес. Лохматые призраки ночи, размазанные туманом и скоростью, мелькают во тьме кромешной. По временам ярко алые искры от паровоза прочерчивают в полёте стремительные линии в зловещем мраке, и тьма тогда становится ещё плотней и таинственней.

Бр-р-р... не хочется в такую ночь покидать законную полку с постелью, в тёплом купе! Но... «ноблес оближ» говорил в таких случаях Валет, как Людовик какой-то, который, как и Валет, тоже умел по-французски ботать, дескать: «положение обязывает». Не для того покупал я билет в купейный, чтобы дрыхнуть! А работать кто будет — Пушкин? В купе выключаю ночной свет и в темноте прислушиваюсь к дыханию спящих: не разбудил ли кого-нибудь? Ощупываю форму военного с двумя шпалами в красных петлицах, висящую на вешалке. Форма благоухает дорогим одеколоном и красивой жизнью. Конечно, не рассчитываю я, что в ширманах лежит то, что надо, но «орднунг ист орднунг», выговаривал Валет, как и немецкий кайзер. Из кармана галифе ячменя выудил, но при раскладе, как сегодня, из-за него я мараться не намерен. Лопату я ловлю, лопату!

Встав на коленки, лезу под столик,

просовываю руку под тощую железнодорожную подушку на которой, похрапывая смачно и благоухая коньячно, лежит тяжелая страшная голова военного, спящего на нижней полке, которую я вчера вечером сам же ему уступил, с радушием данайца. Быстро идёт поезд, вагон качает сильно, резко. И в такт с каждым толчком рука моя проникает всё дальше под подушку. Временами кажется, — пальцы видят не только в темноте, а даже сквозь материю. Валет говорил, что бывают щипачи, которые щипанцами зырят, как глазами. Будто бы Факир мог поводить руками возле ширманов и рассказать: где, что значено. Чудеса бывают. Но это, скорее, один из фокусов иллюзиониста Факира, который, делая ушлые отводы, загодя ширманы шупал, потому что был не только талантливым иллюзионистом, но и фатовым ширмачом...

Но нельзя отвлекаться на постороннее, когда работаешь, а то — пальцы слепнут. Моя рука, обогнув тяжелую голову, подбирается к углу купе за подушкой. И... есть! Не-а, — не то... просто — складка. Эх, я — факиришка недоразвитый!.. не пальцы, — котята слепые... долго колупаюсь, долго... От неудобной позы, страха, досады становится жарко. Это плохо. Если щипанцы потеют — они не скользят — липнут. А если волнуешься — движения не точные, угловатые. Это

Валет говорил... Хорошо, когда он был рядом! Работал всегда с интересной выдумкой. Презирал «ходить сонником» — воровать у спящих — гордость имел профессиональную! Но мне, бестолковой сыроежке, не до гордости...

Рука упирается в угол. Ё-маё, и в углу голёк! Куда же вояк заначил лопату? Я же нагнаца, что перед сном он под подушкой мацал! Осторожно, в такт толчкам вагона, вынимаю руку из-под подушки. На обратном пути большим и указательными пальцами щупаю подушку там, где она головой прижата. Что-то, что-то... я перестаю дышать, напрягаюсь... е-е-есть!! Точно — лопата!!! Вот уголочек... кажется, пальцы различают коричневый цвет добротного кожаного бумажника, прогнутого тяжестью головы.

Но лопата не под подушкой, а внутри наволочки. «Это дело техники», говорил Валет. Расписываю пиской наволочку и начинаю новый осторожный ход рукой вовнутрь её. Сейчас — самое запаadlo — тянуть лопату из-под головы. Ах, ты!.. позади меня на нижней полке полная женщина зашевелилась... закричала! Замираю: вдруг свет включит! — придётся когти рвать... хорошо, — в нерабочем тамбуре дверь отперта... уйду с подножки через буфера на крышу... ночью за мной не погонятся. А женщина вертится и кричит, улечся не может... что-то болит?... наконец-то

затихла. Снова в такт толчкам вагона... только в такт... миллиметр за миллиметром двигается лопата. Хорошо храпит вояк... коньячком сопящий... сладких снов тебе, вояк, крепко спящий... вот лопата на перелом пошла — наполовину вышла... если шухер — подорву с ней!

И вот, набросив курточку на плечи, с полотенцем в руках и лопатником в кармане, я тихо покидаю купе, где оставил на память о себе чемодан со старыми газетами. Жаль — хороший фал... для меня он не роскошь, а вещь необходимая, потому что на того, кто заходит в вагон без тяжелого чемодана, кондюки смотрят с недоверием, а пассажиры, как писал Зоценко: «галoши под подушку суют, а некоторые — вовсе не сымают».

Стою я с полотенцем на плече у двери свободного туалета, жду, когда поезд ход замедлит у какой-нибудь станции и в коридор позыркиваю: не выскочил ли вояк из купе? А станции нет... так и стою у окна: как бы природой люблюсь, хотя за окном тьма тьмущая и, кроме отраженного в стекле моего красивого силуэта, ничего интересного не наблюдается. Хорошо, что проводник не появляется. А ведь дрыхнет-то он потому, что остановка не скоро!

Приближаются огоньки какой-то станции. Поезд замедляет ход. Мало замедляет... небось, —

без остановки? Ещё ждать — опасно: вдруг, придётся выскакивать по шухеру на крышу!.. — бр-р-р!! — не климат... а прыгать на ходу — страшно, но... эх, была не была!

Спускаюсь на подножку. Станция, — вот она, — но поезд чешет мимо! Да как быстро! Думать некогда... эх, не светит не личит! — па-ашел — бац!!! — крепко приложился ногами и бегу, изо всех сил бегу, не в силах остановиться... ну, молоток, не упал! Чуть лишку проехал. Поезд набирает ход — без остановки прошел станцию — треугольник из красных огоньков на последнем вагоне, быстро удаляясь, вскоре исчезает, теряясь в пестрой россыпи огоньков стрелок и семафоров.

Стою на путях, обалдевший после длительного нервного напряжения и хорошей встряски от прыжка на ходу. А вокруг — тишина!.. ти-ши-на-а... слово-то какое: шелестящее... Нудный железный грохот поезда удаляется, превращаясь в затихающий рокот, потом — в журчание. Из темноты потянуло свежим ветерком и сквозь вонь железки пробивается горький запах осени. Я отхожу в сторонку, к фонарю. При его свете осматриваю лопату. Сперва сармак... ого, фартово угадал! Такие форсы я видал, когда с Валетом работал.

Моралисты говорят: считать чужие деньги неудобно... пока они не в твоём кармане. Тырю

грони по значкам. Остаётся пачка справил и удостоверение. Обычно такую мульку бросаю в почтовый ящик. Но это ксивы вояка в чинах, а я таких ненавижу, как чекистов. Честные командиры все арестованы. А эта... мордастая сволочь, воняющая одеколоном, ради ордена запросто заставит замороченных ванькОв в народ шмалять!

Аккуратненько, кладу в лопатник камень, бережно опускаю в канаву с водой под насыпью. «Бульк!» — прощается лопата с шикарной жизнью... По закону Архимеда, каждое тело, погруженное в воду, если не плавает, то называется утопленником. Так и надо! Щедро платит воякам советская власть: из лопаты я с полкуска вынул! На зиму хватит...

Сниму комнатку на окраине райцентра у одинокой бабуси с коровой, буду жить, в баню городскую ходить, в гремучих цинковых шайках отмываться, в парилке парком наслаждаться, картошку с простоквашей кушать и бабусины причитания слушать. Сойду за городского внука. А ксивы у меня в порядке. Даже школьный табель есть. Чтоб зимою не скучать, буду школу посещать.

А пока что надо с этой станции линять. Про телефон я знаю. Но как отсюда умотать, если здесь проходящие поезда не останавливаются, а местный поезд придёт днём, и выйдут к поезду три бабуси, «два весёлых гуся» и... местный мент, который не

только бабусь по отчеству знает, но и гусей по меткам различает!?

Прохладный ветерок пахнет горько осенней листвой, сеном, близкой речкой... намекает на то, что хорошо б выспаться в стоге сена, а утречком купить кринку молока с хлебом и на свежую голову думать, как выбираться отсюда без рандеву с ментом?

Глава 2. ПОБЕГУШНИКИ

Сентябрь. 39 г. 12 лет.

«Был бы человек, а статья найдётся».

Не успеваю отойти на сотню метров от путей, как настораживает далекий, приближающийся гул поезда. Шум ближе, громче. И из непроглядного мрака, окружающего станцию, появляется яркий треугольник из верхнего прожектора и двух нижних фонарей паровоза. Скрежеща и чугунно громыхая нескладным, длинным туловищем, на дальний станционный путь вползает товарняк. Краснуха! Её-то мне и надо, чтоб умотать по-тихому!

Могучий паровозище ФД — Феликс Дзержинский — с трудом сдерживает

нетерпеливый бег разогнавшихся на перегоне тяжелых вагонов, а потом, с облегчением, отдувается, громко стравливая излишние трудовые атмосферы и, успокоившись, начинает сонно, умиротворённо почихивать, посапывать. Замаялся трудяга с тяжелым составом на длинном перегоне...

Иду вдоль длинного состава, осматривая двери товарных вагонов. Тяжелые запоры дверей накрепко обмотаны толстой проволокой и запломбированы: ценный груз. Ни одного порожняка в составе! На открытые платформы и тормозные площадки я не смотрю: прохладно. Пройдя вдоль состава с одной стороны, обхожу его с другой, всё ещё надеясь найти не запертую дверь. Потеряв надежду попасть в вагон, в третий раз иду вдоль состава, приглядываясь к грузам на открытых платформах: нет ли там местечка, укрытого от ветра под брезентом?...

— Эй, поц!..

Вздрагиваю: оклик тихий, но неожиданный: голос-то рядом!!..

— Чего гуляешь? — спрашивает, невидимый в контрастно чёрной тени вагона, худощавый мужчина в чёрной одежде. Железник? Он бы не стал говорить тихо, а окриком шуганул меня отсюда! А потому не кручу я восьмёрки о пользе ночного променада для ударной работы кишечника.

— Уехать хочу...

— А где вода на станции?

— Колонка... возле вокзала.

Несколько секунд худощавый смотрит на меня. Потом протягивает небольшое закопчённое ведёрко.

— Лады. Принеси воды — уедешь. Ходи по-тихому.

У меня достаточно своих резонансов, чтобы не светиться и я, сторожко держась в тени вагонов, отправляюсь к колонке. Приняв у меня полное ведерко, худощавый подходит к одному из товарных вагонов, тихо свистит сквозь зубы... и! — тяжелая щеколда, запирающая двери вагона, сама по себе поднимается вместе с проволокой, которой она обмотана и с пломбой на ней. Двери вагона медленно, бесшумно отъезжают в сторону. Худощавый подаёт ведёрко в дверь вагона, а потом, чуть опершись руками, легко, как кошка, запрыгивает в вагон и оттуда, подав мне руку, одним махом поднимает меня:

— Оп-паньки!

Дверь беззвучно закрывается, но не совсем. Худощавый просовывает руку в оставшуюся щель, поправляет на щеколде замысловато закрученную проволоку и проверяет, на ощупь, пломбу. Потом закрывает дверь плотно и щеколда, по ту сторону двери, как живая, тихо звякнув, опускается на

место. Я слышу, как в темноте кто-то жадно пьёт воду.

— Бу-удет, будет, Вась... — останавливает его Худощавый, — обопьёшься... — и, взяв у невидимого в темноте Васи ведро, сам начинает пить жадно, большими глотками.

— Разбуди Тараса, пусть попьёт... — переводя дух, просит Васю Худощавый.

— Чую, шо воду лакають... — раздаётся голос, зловеще низкий, как из преисподней, но, откуда-то, сверху. Глаза привыкают к темноте и я вижу, как из под потолка спускается могучий, как паровоз ФД, огромный Тарас и припадает к ведерку. Потом ведёрко обходит ещё круг, донышко ведёрка задирается всё выше...

— Кажуть, шо вода — не хорилка та бохато не выпьешь, а ось, — на троих ведёрочко уломалы... — подводит итог водопития Тарас, когда донышко ведра поднялось выше его головы. — Прийдётся ще хлопчика посылать. Хто знае — дэ и колы будем ще стоять?...

Все прислушиваются. Тихо. Так же успокаивающе сонно посапывает паровоз.

— Дуй хлопчик! Тильке обережно! — говорит Тарас.

Я вновь крадусь к колонке, чувствуя, что три пары глаз внимательно следят за мной. Когда возвращаюсь с полным ведёрком, Вася предлагает:

— Давай отопьём, а то расплещется...

Все поочерёдно припадают к ведёрку, но, уже без охоты. В тусклом свете, сочащимся из маленьких грязных окошечек под потолком вагона, различаю я, что вагон, за исключением узкого пространства возле двери, загружен почти до потолка деревянными ящиками, а в них что-то железное, завёрнутое в провощённую бумагу.

— Лезь в кубрик! — приглашает Худощавый. Забравшись наверх, вижу, — часть ящиков вынута, а пустота заполнена соломой, на которой лежат, телогрейки.

— Ложись с краю. Места хватит. Параша, по-флотскому гальян, в том углу, — на подветренной стороне. Срать — через щель в полу, а срать захочешь — бери конверт из бумаги, там они заготовлены, и — в него... конверт через окно выбросишь — там фанерка вынимается. Но! Дела такие — только на ходу! Инструктаж закончен. По курсу — так держать! Судя по адресам — вагон до Киева без пересадок. А тебе куда?

— А всё равно...

— Вот, и мы — туда же! Значит, нам — по-пути. А как ты возник на этой станции?

— Так... по-тихому.

— Тихо стибрил и ушел, называется — нашел? — подначивает Худощавый. Майданишь?

— Ну... когда нечаянно...

— За нечаянно бьют отчаянно!

— За битого двух небитых...

Обмениваемся затертыми прибауточками, а меня мандраж разбирает: чую, что очень метко угодил я в непонятку. Что за люди такие осторожные: не только по воду не ходят, но и хезают так аккуратно, что б и вблизи вагона не пахло? А если они ошмонают меня, когда я при таких-то форсах? Да что — ошмонают! Таким и замочить меня не в падлу, чтобы я в оборотку их не засветил... А на ходу — кричи, не кричи... Надо срочно когти рвать, пока стоим!.. Но только я полез к выходу, как Худощавый, поняв тревожно закрученную цепочку моих мыслей, стопорит меня:

— Ша, юнга! Малый назад! Харэ, харэ... не менжуйся! Не бзди, Макар, я сам боюсь! Мы побегушники, не урки. Мы — контра. Политики. Я да Тарас — пожизненные комсомольцы. И срока тянули на краю географии, где два месяца холодно, а остальное время — очень холодно. Населяют тот, забытый Богом край, две северные народности: вОхра и зекА. Там тянули мы срока. Да не дотянули... у меня да Тараса бессрочка. У Тараса — пятьдесят восьмая, пункты второй, восьмой, а у меня пятьдесят восьмая пункт тринадцать.

— Второй пункт — восстание, восьмой — теракт, — комментирую я пункты, а про тринадцатый пункт не слышал... Бывает, разве,

такой?...

— Это, юнга, редкий пунктик... называется — «благородный.» Для тех, кого звали: «Ваше благородие». Не долго меня так звали... после производства во флотские офицеры двух месяцев не прошло, как — февральская революция!.. Повязал я на кортик красный бант, выступал на митингах. А закончилась моя флотская карьера после того, как большевички в Новороссийске флот бездарно утопили. Забросил я в Чёрное море романтическую мечту сопливого детства — офицерский кортик, вместе с красным бантиком, и — за бугор! Не хотел убивать русских людей, какого бы цвета они ни были. И прожил бы всю жизнь спокойно, вдали от взбаломошной родины, если бы не прикупился на дешёвый понт: лажовую амнистию офицерам, не служившим в жандармерии и не воевавшим.

Друзья предупреждали: нельзя большевикам верить! Честь и совесть для коммунистов — понятия царские, вражеские. Не поверил я друзьям, а поверил слову русского народа и в закон государства, который «обратной силы не имеет». А оказалось, что советскому государству плевать не только на честь и на совесть, но и на свои же законы! Они пятьдесят восьмую дополнили пунктом тринадцать, противоречащим не только закону, но и здравому смыслу, так как карают по этому пункту не за то, что ты сделал, а за то, что ты

МОГ СДЕЛАТЬ не только до создания этого пунктика, но и до рождения советской власти!

Джонотан Свифт старался придумать что-нибудь невероятно абсурдное для злобной речи лилипутского адмирала, который заявлял, что измена зарождается в голове, а поэтому надо казнить каждого, у кого есть голова. Если бы Свифт ознакомился с законами советской власти, то понял бы, что по придумыванию абсурда он жалкий дилетантишко! Да только одну статью — пятьдесят восьмую, с её пунктами и подпунктами, — не придумали бы, собравшись вместе, такие выдумщики, как Свифт, Рабле, Бюргер и Кафка... Так-то, юнга! А теперь, когда ты не только знаешь, кто мы, но, думаю, веришь мне, то, надеюсь, у тебя отпало желание задавать отсюда лататы? А мы познакомились, как положено по лагерному камильфо: сперва — по статье, потом — по душе. Имя ничего не говорит о человеке, кликуха — кое-что, а, вот, статья — всё! Это и судьба и мировоззрение. Тебя как кличут?

— Рыжий...

— А меня — Седой. Почти тёзки... А у Васи пятьдесят восьмая, пункт десять. Срок детский — пятак. Часть срока он на малолетке оттянул и в зону попал после шестнадцати. Семячки остались дотянуть срок, да с блатарями у него конфликт. Тарас взял его под своё крылышко... сперва — в

бригаду, потом — в побег. Нельзя было оставить его в зоне — искалечил бы его Хряп, садист уголовник. Побожился, что Ваську опарафинит и козу заделает — zenки выдавит... Я тебе, Рыжик, всё это подробно излагаю, чтобы знал ты, с кем связался и почему мы менжинские. Ориентировки на нас не только у ментов, но и у железнодорожников по линии. Хорошая премия светит тому, кто нас накнокает. А темнить мне — резону нет — завтра ты нас увидишь, да вдруг — не так поймешь. А нам ты поможешь — ты ещё шкет и под ориентировки не подходишь... Интересно, откуда ты в столь юном возрасте пятьдесят восьмую по пунктам сечёшь?

— Она для меня родная. По дополнению. Я — чес... ЧСИР.

— Ну-у... — протягивает Седой, — романтическая у тебя статья: вендетта!

— Чи-иво?? — удивляюсь я.

— Вендетта — кровная месть. По правилам вендетты за отца мстят сыну. Но! — только совершеннолетнему. Детей и женщин вендетта не касается. Но советская вендетта, названная «ЧСИР», распространяется на всех членов семьи. Не понимают чекисты, по пролетарскому скудоумию, что вендетта обоюдоостра: если мстят с одной стороны, то и с другой — не заржавеет! И в какой кровавый тупик загоняет Сталин Россию —

только Богу ведомо. Россия — не остров Сардиния, где все родня друг другу и вендетту исполняют строго по закону. В России такой кошмар представить трудно.

Вероятно, все выпались. И мне, после всех приключений, тоже спать не хочется. Сидим под потолком, ожидая отправления.

— Скорей бы состав пишов... покурить бы... — сипит басом Тарас. — Скушные вы сёдни...

— Рыжий, ты с воли, вертани прикольчик свеженький! — просит Вася. — Анекдотец бы...

— Анекдотец? — переспрашиваю я не без ехидства, вспомнив о Васином пункте десять, (КРА — контрреволюционная агитация), который лепят за анекдоты. — А что такое «бекас»?

— Бекас — это вошь...

— Отстал от жизни, Вася! Бекас по буквам, это: БЕ — ломор К — анал А — некдотчики С — троят! Рассказчики — по левому берегу, слушатели — по правому. И у всех — пятьдесят восьмая пункт десять!

— Все смеются над подначкой, а Вася — первый. Легкой души человек. По соседнему пути грохочет проходящий поезд. Едва стих его шум, как на станции послышались голоса. Кто-то торопливо хрупают по щёбёнке вдоль состава к последнему вагону.

— Экипаж, полундра! По местам стоять, с якоря сниматься! — шепчет Седой. Через несколько минут могучий ФД дергает состав и железный лязг долго катится вдоль состава. Поднатужившись, ещё разок рванул состав железный «Федя», потом ещё раз, и... проскальзывая в маленькие грязные окошечки товарного вагона, побежали по потолку и по ящикам жиденькие лучики света пристанционных фонарей. Постепенно разгоняясь, вагон погружается в грохочущую, кромешную тьму следующего перегона. В товарном вагоне, оглушенном своим грохотом, разговаривать трудно. Сидеть на ящиках не уютно — из щелей сифонит ветер. Покурив, все забираются в тёплую берлогу, которую Седой называет кубриком. Погружаемся в солому и, прижавшись друг к другу, укрываемся телогрейками, хранящими специфические запахи казённых дезинфекций.

Глава 3. ЛЮДОЕДЫ

*Серп и молот —
смерть и голод.*
(Ассоциации)

Просыпаясь, слышу тихий разговор моих спутников, а открыв глаза, понимаю: уже день.

Состав стоит. Выбравшись из кубрика, подползаю по ящикам к окошечку: вокруг — равнина, заросшая кустарником. Неподалёку — типовой дощатый железнодорожный барак, покрашенный коричневой краской и стандартное коричневое служебное помещение на четыре окна. Разъезд.

— Держи пайку, Рыжий! — Седой протягивает ржаной сухарь и крохотный кусочек сала. — А это — пайка воды... — и подаёт мне жестяную кружку, наполненную на две трети. — Мочи сухарь, заедай сало. Не взыщи за лёгкий завтрак. Вагон ресторан — в другом поезде. А вода... неизвестно когда... колодец рядом, да днём нельзя... закнацают с ведром — усекут: в составе есть пассажиры.

— Ни фига, я шкет не гордый, мне и щёбёнка не в падлу, — хорохорюсь я, хотя думаю, что при такой диете фигуру не испортишь, а, вот, ноги протянуть — запросто.

— Жисть у нас, как у Ленина: не кормят и не хоронят, — шутит Вася и добавляет мечтательно: — Эх, помянешь тут добром и лагерную баланду... — И напевает тихонечко на опереточный мотивчик:

Баланда, баланда,
баланда —
Тюремная отрада!

Баланда, мне
лучшего не надо!
Ты чудо из чудес,
Ты наш деликатес,
Ба-ала-анда-а!!

А Седой, усмехаясь, с пафосом цитирует: «Привычка к простой пище укрепляет здоровье, делает нас сильными перед соблазнами роскоши и освобождает нас от страхов перед превратностями судьбы!». И поясняет: — Эту мысль передал через своих учеников нам, гурманам, избалованным изысканностью лагерной баланды, философ Эпикур, живший за три столетия до Иисуса Христа!

В сереньком пасмурном свете, профильтрованном сквозь маленькие пыльные окошечки под потолком, я имею возможность рассмотреть своих спутников: чёрные зековские робы, головы наголо острижены, лица заросли щетиной. А у Васи, вместо щетины, — беленький юношеский пух. А до чего красивы Васины глаза: огромные, голубые, ясные! И лицо Васи доброе, застенчивое, освещается изнутри спокойным сиянием глаз. Теперь-то понятно мне: почему Васины глаза так раздражали гомика садиста Хряпа. А когда улыбается Вася, то кажется, что от лучезарности его улыбки светлеет в полутёмном вагоне. Седой — он и вправду седой. Странно

смотрится его седина в сочетании с ловким, по юношески стройным гибким телом и совсем ещё молодым лицом. А Тарас, при дневном свете, оказывается ещё громаднее. Во всей его исхудавшей, но могучей фигуре, чувствуется огромная угрюмая силища, озлоблённая лагерем. Не без содрогания представляю я, как затрещат в его могучих ручищах, со страшными широкими ладонями, кости того, кто встанет на его пути.

— Швартуйся к нам, Рыжий, — приглашает Седой, — садись тут... — и продолжает разговор: — ...а раз нас в зоне не надыбали, то маракуют, что мы во мхи подались. Тем более, барашка ведём, — значит, длинным путём идём, через северА. Мужики мы крепкие, дескать, рвём когти по мхам при доброй хавке! Путь дальний, но надёжный — по гепеушной логике.

— Куда барашка ведёте? Где он?! — удивляюсь я. Все смеются, а Седой объясняет:

— Говорят, в Африке, когда выпивают на троих, то двое пьют, а третьим... закусывают. Мы не из Африки, но из тех мест, откуда чаще выбирают путь через безлюдную тундру. Для провианта, берут с собой ещё одного зека, чтобы в пути его схарчить. Его и зовут барашком. Тот, кого за барана берут, того не знает и за честь для себя считает, раз его авторитеты с собой в побег взяли. Барашка выбирают из молодых, наивных, вроде

Васи. А чтобы он охотнее когти рвал, ему на зоне условия создают такие, что у него один выход — коцы вязать. Видно, перст Божий, но у нас получилось всё в масть: каждый стукачѐк на зоне знает, что у Васи один выход — линять от Хряпа.

— Так шо, зараз уся ескадрилья еропланов по северАм ромашки рисуеть, ловлят нас... тильке зряшно бензин палють... — усмехается Тарас.

— Не читают чекисты Конфуция, — говорит Седой, — а он за пять веков до нашей эры написал: «Трудно поймать чѐрную кошку в тѐмной комнате тогда, когда её там нет!»

А Вася притворяется обиженным:

— Это тебя да Тараса ловят. А меня, блин горелый, не ловят... уверены, что я за пупками вашими в кормрозаправниках заныкан, а вы на сытых копытах по мхам чешете.

Я содрогаюсь внутренне:

— Да это же... людоедство??!

— Конечно, — спокойно отвечает Седой. — Людоедство для Африки — анекдот экзотический, на Соломоновых островах — ритуал мистический, а в Советском Союзе — хлеб насущный. Не по религии и не для экзотики распространено людоедство в России, а от лютого голода. А почему в России, которая при царе хлебом делилась с Европой, ныне голод — норма жизни? Как крестьяне так щедро делятся хлебом с

государством, что потом своих детей едят? А? Тарас? Ты с Кубани, из самого урожайного края, объясни нам, горожанам: как на Кубани голодать можно?!

— Обнаковенно... — хрипит потихоньку Тарас, — зараз хлеб растёт не хрестьянский, а колгоспный, а хрестьянин тильке працюеть... А ране, до коллективизацыи, понаедуть у станицу продармейцы чекисты и пока одни на вулице у пулемётов дежурять, шоб со дворов ништо не выглядал, друхие во дворах хлеб згребают... А во дворах воны шо хотять, то и роблят. У сосида мово дитят було невэлика купка — шестеро... ось вин рады них заховав хлебушок. Так воны... хай их, нечисть ту — чекистов, — воны дитэй звязанных у яму поскидали... та на глазах у батька закапувають их... а ще и пригугаривають: ты, кулак, семена хлеба закопав от рабочего классу, а мы твоё семя кулацкое тэж в землю закопам. Колы сей же час хлеб нэ витдаш — на поминках дитячьих жрать его будэш! Ось колы детишки, у под земли шевелясь, задыхаться стали — батька показав, дэ хлеб заховав... ось це уся любов хрестьянска за радянску власть... А по весны усе одно: вмерли и сосид, и диты ёго. Усе зылы: и упряжь, шо от коней ще осталась, и кору... тильке дитэй нэ илы. Нэ уси на людоедство способны. А щас, писля коллективизации, и по дворам хлеба немае — вись

хлеб на элеваторе. Шоб зараз же — рабочему классу...

— Ты думаешь, Тарас, это рабочие крестьянским хлебом обжираются? Хрен такой вот... рабочему классу от вашего хлеба! В те годы дети рабочих тоже с голоду пухли. А тот хлеб коммунисты за валюту спустили в другие страны, чтобы там компартии организовывать для политических переворотов. Да и других нахлебников на ту валюту было достаточно. Есть такие писатели, которые профессионально занимаются «партийным искусством» и советскую власть восхваляют: Эренбург, Маяковский, Катаев, Петров и Ильф... много их, пидоров продажных... от Москвы до Питера раком не переставить! И каждая такая проститутка дешевая за границу за валюту ездит, чтобы там советскую власть расхваливать... когда в России миллионы крестьян от голода пухнут! Помню я, что французские газеты про русских писателей печатали. А им — что... как с гуся вода! Врали, безо всякого стыда! И на русскую эмиграцию, лживые пасквили сочиняли в подлую коммунистическую газетёнку «Юманите», которая, как шлюха, живёт на содержании Москвы и за это в любую позу встать перед ней радёшенька! Во Франции эту грязную газетёнку называют «Помойка». Хорошо, что пасквили этих писак, выроdkов из СССР, были,

хотя и злы, но настолько глупы, что никто им не верил. Я не говорю о закабанелых коммунистических начальниках, тратящих валюту на поездки за границу для покупок дорогого шмотья! На то они и владыки порабощённой России! Но писатели... — и Седой возмущенно покрутил головой, — Ведь писатели и поэты всегда были совестью России! А если посчитать: сколько детей не умерли бы от голода, если бы только один... один мерзавец Горький! — не содержался бы в роскошной трёхэтажной вилле на острове Капри на деньги советского народа! Вот и получается, что советские «инженеры человеческих душ» — самые лютые людоеды: сколько десятков крестьянских детей каждый из них схарчил!? А как величаво презирал русское крестьянство в голодные годы Горький, живя на Капри и запивая устрицы дорогим вином, которое ему приносили на виллу из ресторана! Как же этот подлец и спец по шедеврам умственной глупости, презирал «сытое мурло капитализма» за то, что оно — сытое!! А расскажи-ка Тарас про ту мать и её детей... ну, ты на зоне мне рассказывал... Пусть молодёжь послушает!

— Яку маты? Яка дитэй ила по одному? И других дитэй ими кормила?...

— Да не-ет! Про ту, которая детям чугунок завещала!

— А-а... тэж Катерина... сусидка... сэбе голодом заморыла, усэ, шо було, дитям отдавала. Чухун у ей був великий... тилько шо у хате и осталось писля коллективизацыи. Вмыраючы, вона дитэй об одном просыла, шоб варылы воны её мослы в циим чухуне... або осталысь от ей тильке кости...

— А эта тварь — Горький, — укорял капитализм «за сытое мурло», а за голод советскую власть не осудил! — перебивает Седой. — А сколько честных людей погибло от его подлого призыва, сочиненного по заказу ГПУ для чекистского «правосудия»: «Если враг не сдаётся — его уничтожают!»? Вдохновлённые этой людоедской фразочкой, в СССР отменили даже видимость судов и ввели «особое совещание» для уничтожения людей по спискам, чохом приговаривая к расстрелу сотни тысяч, а то и миллионы людей! Заочно, ни о чём не спрашивая! Ведь врага не судят... Вот, поистине, людоедская рационализация правосудия с подачи и одобрения «Великого Пролетарского...»... не хочу называть его писателем... эту мразь позорно и человеком назвать! Что человеческого в этом маразматике?? Да за один пламенный призыв Горького «Пусть сильнее грянет буря!» был он проклят навечно всеми теми, кто горел в России в огне гражданской войны, пока «глупый пингвин робко прятал тело

жирное в утёсах» на острове Капри! А чего стоят слова Горького: «В России народу, как песка — не вычерпать!» Так что, если Горькому шашлыки из крестьянских детей не подавали, то уж немало поспособствовал он, именно, — он! — людоедству в России... Не могу я забыть один из его гнусных рассказиков, где со вкусом описывается, как мать втыкает нож в сердце доверчиво уснувшего сына во имя верности своим политическим идеалам. Не помню уж, да и вспоминать противно, как называется та гнусь мокрушная, написанная по заказу ГПУ. Ни один самый озверелый мокрушник не придумал бы такую пакость про мать! А творчество этого мерзавца и ублюдка изучают дети во российской школе!! И на фоне похабели, которое называется «партийное искусство», очень гуманно и пристойно брать в побег «барашка». Ведь, в России человек дешевле бездомной кошки!

Помолчали, каждый о своём. И вдруг Седой спрашивает:

— Тарас! У тебя по пятьдесят восьмой два расстрельных пункта, а тебя ни разу не шлёпнули! Забывают, или — как?...

— Зараз и шлёпнули бы... — соглашается Тарас, та ще ж у тридцать третьем роци було... закон другой. Тодди ще одын голод був. Урожай був добрый, да хлиб весь повывезли. А на станции хлиб сгуртовалы у кучи, прямо у грязь пид

дождём... но народу не давали. На каждой купе — чекист з винтом. Колы яка одуревша с голоду жинка лизла до хлиба — стреляли тую жинку без попередження. Ось, у каждой купе хлиба лежали мертвяки. Кого — голод успокоив, кохо пуля ухомонила. Тодди мы, козаки, в яких силушка ще була, домовылысь, шоб отбить зерно у чекистов та нагодувать жинок з детьми. Ну... пужнули мы тех нелюдей, шо на хлибе сыдели — те тикать вдарылись, ось побачили, шо не с бабами, а з казаками дило мають. Та зачали мы хлиб раздавать. По справедливости. А народу туточки понаби-игло... Да-а...

Спокойно лицо Тараса, но огромные ладони сжимаются в страшные кулаки...

— Зараз, чекисты сгуртовалысь. Подъихалы на тачанке з пулемётом, та зачали штриляты по казакам та по жинкам. Тих, яких с зерном прихватили у станицы, тэж в расход пускалы. А туточки начальство областное прикатило в антонобиле, та шумыть на чекистов: «Вам шо — ще трупов мало?? Труполюбы, мать вашу!! Щас вже не громадянська война, шоб усих крестьян подряд враспыл пускать, як вражески класс! Щас иншее времячко и державна власть усе права маеть на чоловичий матерьял! Крестьяне — тэж державное завоевание пролетариата! Трэба берехти крестьянина та пользоваты его з корыстью для

рабочего класса! Ции казаки, вражий класс, усю жизнь працевать должны в лагерях на потребу рабочего класса!!..» Ось туточки и суд советский: як начальство мовыт, так судья судит. Усим присудили працуваты на ридну радянску власть пожизненно, щоб ции крестьяне сами бы дошли для корысти пролетариату. Ось и уся хуманность... — усмехається Тарас.

— Ишь, какую роскошь допускала советская власть в тридцать третьем — суд! Хотя судили и по указанию партийного начальства, а, всё-таки, — судили!! А вот, нас, простачков офицеров, прикупившихся на лажовую амнистию в тридцать шестом, судили по присказке: «На нет и суда нет, а есть особое совещание!» Вот это «Особое совещание», которое никто из нас в глаза не видел, поделило нас по своим таинственным соображениям, скорее всего — по алфавиту, — на три списка. По первому списку — пожизненно, по второму — четвертак, что того не мохначе, а по третьему — расстрел... А тебя, Тарас, судом судили и раз ты «могутний» — приговорили к пожизненному. Чтобы работал, как раб. А хиялка шлёпнули бы, чтобы не кормить. Разумно? От то и есть советское правосудие! Необузданно дикий террор рабовладельцев, поработивших русский народ и уничтожающий крестьянство! Но если на Гаити раб денег стоил, а потому берегли его, то в

России рабы коммунистам достались бесплатно и их, после того, как ограбили до последнего зёрнышка, теперь уничтожат, чтобы не кормить. Мало того, каждый может, как угодно, шельмовать российское крестьянство, как это делал подонок Горький в своих шизофренически статьях, направленных против крестьян. А можно откровенно насмехаться над крестьянами, презрительно называя их «колхозники», как это делают горожане, — сами же вчерашние крестьяне! А можно безнаказанно уничтожать крестьян пулей, и голодом, как это делает НКВД!! Ведь в 33-м, 34-м годах крестьян уничтожали, как класс. За побег из села — расстрел на месте! Или Колыма, где смерть, но постепенно.

К стыду человечества, рабы были во все времена. И в древнем мире и в средние века, даже в новой истории. Но! — во все времена рабов, хотя бы отбросами, но кормили. Понимали: голодный раб не выгоден и опасен: плохо работает и зол!! Поучились бы рабовладельцы прошлого у коммунистов, которые советских рабов не только не кормят, а отбирают даже ту еду, которую рабы с трудом и риском для жизни собирают тайком в полях и лесах и прячут для спасения своих детей! Повезло советскому начальству с российским народом, который по-скотски покорен и всеяден! Ни одна скотина не выживет на тех харчах, на

которых выживает раб российский! Но удивляет меня «прозорливость» Партии, которая распевая песенку «Если завтра война», рассчитывает, что замордованные рабы, «если завтра война», защитят Советскую власть!! Никогда в истории человечества рабы не защищали ненавистных тиранов! Мне кажется странным такой идиотизм Партии. Ведь, крестьяне не имеют паспортов, они юридически и не граждане СССР! На фиг нужно им защищать чужую для них страну, где живёт и господствует большевицкая мразь, отбирающая у них еду! Ну, ладно, русские крестьяне — скот бессловесный и безмозглый, — пойдут они на убой, неизвестно зачем и за кого. Но, кроме крестьян, есть казаки! Такие, как ты, Тарас: гордые, храбрые, — потомственные бунтари! Люди! а не скот безмозглый!

Но больше всего удивляет не только меня — бурная деятельности НКВД. Мне кажется, что служит эта контора какому-то изобретательному врагу Советской власти, который избирательно уничтожает миллионы самых нужных и преданных Советской власти людей, оставляя в живых опасных врагов, таких, как мы с тобой, Тарас. А ещё таких убийц садистов, как Хряп. Эти-то нелюди нахрена соввласти? Только для службы в НКВД? Мало того, это учреждение превращает в своих врагов не только людей, прежде лояльных,

каким я был, но, даже, героев гражданской войны! Это мы видели в зоне. Ведь политические многое поняли, и если выживут они... А как ты выжил, Тарас? Ведь, столько лет зону топчешь!

— На усе Божья воля, — пожимает крутыми плечами Тарас. — Не раз з малого числа счастливицков оставався живым я, как самый могутний. От був у мэни случай летом тридцать шостохо... на Волге, пидля Сталинграда... там ще одну комсомольску стройку змараковалы — канал Волга — Дон. Ну, зараз комсомольска стройка, то з усих лагерей зеков на баржах навезлы. Тильке зачалы мы зону ставить, зараз иншая команда: «Отставить!» Значит, усих зеков — вертать обратно...

А шоб убрать то, шо понагородылы, — отобрали чоловик двадцать — самых могутних. Ить со многих лагпунктов посылали на нову стройку тих, шо «на те, Боже, шо мэни нэ гоже» — самих доходяг. Ось остатних, чуток не тышшу, загналы в баржи та буксирами повезлы у низ по матушке по Волге. А мы ще мисяц разбиралы то, шо за пивмисяца гамузом нагородили. А писля и нас у баржу и тэж у низ по ричицы! Ну, маракуемо, шо щас устринимось з тими, з кем пид Сталинградом працевали.

Завезлы нас за якысь острова. Бачим, — понатуре повдоль острова ти самы баржи стоять с

позадраенными люками — живых у циих баржах вже не було. Мабудь — шоб не кормить, раз зеки остались ненадобны... Но колы зеков в России — сколь хошь, а баржи — госимущество, то ось нас и привезлы, шоб ти баржи чистить от мертвяков. Построили нас и кажеть нам начальник, шо хто у трюме буде працевать, тому ударный паёк, два премблюда, и зачет: за кажин день — три! Мне-то ции зачёты — як зайцу триппер: у меня ж бессрочка. От и пийшов зараз у трюм урка из китов мокрушных, выпендриться шоб. Ще и размовляеть:

— Шо до мэни ции жмурики, я из вас жмуриков наробыть можу скильке надо...

А через пяток хвылин ций кит, глядь, выныриваеть из трюма! А в руках у ёго — голова чоловічья обглодана, и нога со следами зубов... Стоить цей кит, та башкой мотаеть:

— Хоть шо роби, начальник, нэ можу туда бильше!

Остатние — тэж скисли. Шо тут робыть, перекрестився я та пишов у низ, потому шо бильше некому идтить було. Ось, шо я побачив у трюме — це никому нэ скажу. Нэ злякаюсь я ни какой смэрти — усякую смерть бачив, но таку — нэ приведи Господь! Ить воны, зеки, обезумев, илы друг друга заживо и кровь пили из живых во тьме кромешной... Господи, прости их! Рази то — людоедство!?? Ить то, шо воны пережили — дуже

сверх тохо, шо людына можеть...

— Ну, зверьё чекистское... и как их земля носит!?!... — крутит головой Седой. — Поистине: «Бесчеловечен человек!», — вещал в семнадцатом веке Аввакум...

— Ты, Седой, к советской жизни, не привык, а ты, Тарас, отвык, — неожиданно встречается Вася, — Никакого злодейства с баржами не было! Просто, обыкновенное советское головотяпство! Мы же видим, как зерно, цемент, — всё, что нельзя хранить под дождём, — лежит на станциях. А то и в открытых вагонах на путях стоит, а те пути — уже ржавые!

Так и зеков привезли, а выгрузить забыли. Или получателя на месте не было — груз принять. Был бы груз срочный или ценный... А то — зеки! Этого добра в СССР — навалом! Как писал Горький: «В России народу, как песка — не вычерпать!» Главное, блин горелый, чтобы побега не было — со списком сошлось. А в каком виде доставят: в живом или не очень — разве это важно? Жмуриков возить удобнее: есть не просят, и не сбегают. Это — советская логика! К ней не привыкнешь — подохнешь, а не подохнешь — привыкнешь!

— И это — русские люди?? — восклицает Седой.

— Русские кончились, остались советские! —

берите, что осталось, а то и тех не будет! — шутит Вася подражая советской торговле.

— Ось, такую советскую людину вбить не грех... — мрачно басит Тарас.

— Что-то, Тарас, не стыкуется это с твоей верой, где сказано: «возлюби ближнего», — подначивает Вася.

— А я могу возлюбить не токо ближнего, а и врага своего, колы цей ворог людина. А як же ж советскую людину аль чекиста возлюбить, колы вин не людина, а тварь богопротивна? Вбить такую тварь — Святое Дело! — возражает Тарас.

— Ты, Тарас, не зря на свете пожил... — с завистью говорит Седой. — От скольких чекистов ты землю очистил?

— А помнишь, Тарас, гопника — пахана из «друзей народа», — который перед нами — «контрой», выпендриться захотел, дескать, он-то, блин горелый, — настоящий советский человек? — напоминает Вася. — У него и заточка в рукаве была! Не стал ты его бить, — поймал «в ключ», за шейку, и мотанул... у него шейные позвоночки хряпнулись! А потом, как в песенке: «Он лежит и еле дышит, ручкой-ножкой не колышит... сдо-о-ох!!» Ни одной царапинки, а лежит гопник и ни гу-гушечки, как новорожденный: только глазками моргает... вот смеху-то было! Фантастика, блин горелый: «Голова профессора Доуэля»! И

никто из блатарей Тараса не заложил!.. Все подтвердили: «так и было!»

— Да! Есть у воров понятия о чести и справедливости... в отличие от советских людей, которые от подлой трусости уж и на людей-то не похожи... — раздумчиво говорит Седой. — И жалею об одном: сам ни одно Святое Дело не совершил, ни одного чекиста не порешил. Я — русский офицер! — а в гражданскую за чужими спинами отсиделся, за народ русский не заступился. Правильно за то Бог меня покарал...

— Седой, сколько на земле людей? Миллиард? Я, блин горелый, думаю, что одного Бога на всех маловато, чтобы за каждым ливеровать, и успевать карать! — не без ехидства выдаёт Вася типовую атеистическую подначку. Что он — с гвоздя отцепился? Какая шлея ему под хвост попала? — так и ищет: как бы подъялдыкнуть каждого! Но вместо того, чтобы отмахнуться от ехидного вопросика, Седой, которого Вася допек таки, отвечает назидательно, хотя и раздраженно:

— Василёчек, лазоревый цветочек! Ты твердишь: «я думаю, я думаю...» А чем ты думаешь?

— Головой думаю, Седой! Головой...

— А надо бы — душой! А голова — это та часть тела, которая думает... будто бы она думает! Да ещё хочет, чтобы ей кепочку купили за то, что

она умная! Не суй ты глупую башку в то место, куда умная задница не лезет! Микроб, живущий в унитазе, тоже имеет оттуда точку зрения на человечество... Не лезь с примитивной советской логикой в деликатные вопросы! Вера тысячи лет жила без агитпропа, проживёт и без твоих сопливых подначек. Бог — не НКВД. Зачем Ему сексотов держать, чтобы за каждым шмураком ливеровать: что тот трёкнет под пельмени?

Забыв о сарказме, всё больше увлекаясь, Седой говорит быстро и не очень понятно:

— Создав человека, Бог заложил в духе его программу гармонии со вселенной, в том числе, с окружающими его людьми. Когда человек грешит, — создаётся диссонанс между частотами души и духа, не зависящий от веры и разума человеческого. Не против Бога грешит человек, а против духа своего, который тянется к Духу Божьему! А кое кто и дотянулся! Мелкие грешки человеческие не надолго выводят душу из состояния гармонии с духом, который не только вбирает в себя всю информацию из души человеческой, но и ведает здоровьем каждой клеточки тела и управляет всеми химическими и физическими процессами в теле, скрытыми от разума, сиречь, души человеческой. А большой грех способен создать такой сильный диссонанс души и духа, что от этого разрушается здоровье

человека, как душевное, так и телесное на клеточном уровне. Страх, злоба, зависть провоцируют болезни желудка, печени, сердца... все болезни — из-за диссонанса души и духа! И беспомощно разводят руками медицинские светила, а простые люди говорят: «Бог покарал за грехи его» и оказываются правы. Да, Бог карает справедливо и беспощадно, карает законами природы того, кто нарушает их! Мало родиться человеком — надо ещё стать им!

— Во, блин горелый, выходит, — человек сам себя карает?! — удивляется Вася.

— Можно и так сказать, — соглашается Седой. — Человек самоуничтожается глупостью и подлостью. Но! Надо учитывать, что религий на земле множество, а разные религии содержат разные нравственные нормы. И то, что для одной религии — грех, для другой — доблесть! Потому-то Апостол Павел писал:

«Ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: дело закона у них написано в сердцах, о чём свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим.2:14).

Так что, судим мы себя сами. А от себя не спрячешься, себя не обманешь! Не оправдаешься тем, что ты не веришь ни в Бога, ни в Аллаха, ни в

совесть! А церковная бодяга с искуплениями грехов индульгенциями, свечками, пожертвованиями, исповедями — это лапша для широко расставленных ушей безграмотных прихожан, не знающих и не желающих знать Слово Божие. И прав Тарас: не каждое убийство — грех. Может быть убийство и Святым Делом, ибо нет в мире абсолюта добра и зла. В некоторых христианских странах и кровная месть узаконена. И не только юриспруденцией, но и христианской церковью, потому, что в Библии есть закон от Бога, что справедливое возмездие не противоречит закону Моисея, а утверждает его:

«Мститель за кровь сам может умертвить убийцу; лишь только встретит его, сам может умертвить его» (Чис.35:19) Так же, как в юриспруденции высшая мера — это не убийство, а наказание за убийство! Понятия о справедливости возмездия есть у всех народов, во всех религиях, а, поскольку, эти понятия общечеловеческие, следовательно, они — от Всевышнего! То, что убийство — Святое Дело с благословения Господа — это понял я в детстве, услышав старинную песню про разбойника Кудеяра. Убийство необходимо, когда оно во имя справедливости. И инстинктивно, не понимая причины разумом, а по велению духа своего, вернулся я в Россию, где тяжкий грех мой не искупленным остался...

Умолк Седой. И все молчат: думают. Даже Вася.

— Бог милостив и ты убьёшь чекиста. Даст Бог — не одного... — нарушает молчание Тарас. — Не для тохо мы в побег вдарылись, шоб тильке ховаться. Ось, даст Бог и мы... — Тарас задумчиво смотрит на свои ладони — тяжелые ладони казака хлебороба...

— Когда ты, Тарас, про баржи с зеками рассказывал, я про душегубки вспомнил... — нарушает затянувшееся молчание Вася, видимо, чувствуя неловкость за свои неумные подначки.

— Якись душегубки? Что за душегубки? — Одновременно переспрашивают Тарас и Седой.

— От, блин горелый, а говорите, — все зековские университеты прошли! — радуется Вася тому, что знает то, что не известно его всеведущим покровителям. И рассказывает:

— После малолетки я на Ачинской пересылке загорал. Там сосед по нарам срок тянул по лени...

— Как — по лени? — удивляюсь я.

— Во, блин горелый... обыкновенно, — по ленивой статье! Если один трёкнет, другой стукнет, то третьему пункт по лени задвигают тики-так — по самые помидоры!..

— Пятьдесят восьмая, двенадцать! Это же «недоносительство»! — перебиваю я Васю. Я не знал, что её называют «ленивой»!

— С дядей Васей пообщаешься — не того нахвататься! — подтрунивает Вася. И добавляет с напускной важностью: — Не перебивай старших! Так вот, всем известно, как рога мочить на пересылке прелестно, где зеки со всего Союза встречаются, пока этап собирается. С утра до вечера баланду травят — обмен опытом — симпозиум... Мой сосед по нарам был «ленивый», и рассказал он, блин, поучительную историю: Был на воле у него кореш — бывший одноклассник, а потом — чекист. Жили по соседству и чекист к Лёне забегал, когда душа горела — выпить было невтерпёж. Как-то кирнули они от души и спросил Лёня чекиста: почему тот со службы стал рано приходить? Неужто, всех шпионов уничтожил? И рассказал чекист Лёне про гениальное изобретение совучёных, которое сберегает драгоценное время героев невидимого фронта и делает их благородный труд приятным. Раньше чекисты пахали вручную: двое подводят арестованного к унитазу, бьют его сзади под коленки и — головой в унитаз! А третий — чпок! — в затылок стреляет. Унитаз нужен потому, что черепушки разные: ежели тонкая — её наган насквозь прошивает и спереди разносит. И для гигиены опускают голову в унитаз, чтобы мозги туда брызгали. А потом — с тушкой ещё возня: надо её по желобу спустить в трёхтонку с оцинкованным кузовом, как для мяса. А желоб от

крови липкий — тушка застревает — её шестом проталкивать надо. Когда трёхтонку наполнят — только тогда можно перекурить и граммалечку пропустить, пока следующая машина под желоб подруливает... Такой тяжелый физический труд — каждый день без выходных, по двенадцать часов кряду! Отмыться от крови — сил никаких! Так уставали, что в ликвидаторском цехе так в крови и засыпали.

Но представители гуманной советской науки, лауреаты Сталинских премий, наши замечательные учёные, изобрели для чекистов замечательный автозак. Снаружи, блин горелый, — фургон, как фургон. С надписью кудрявой: «Комната смеха». А внутри герметичного кузова — труба, чтобы выхлопные газы пускать вовнутрь. Просто и мило. В автозак своим ходом идут политические ханурики, а на место приезжают — готовые жмурики. Кузов поднимается, как у самосвала — вали их в ров и никаких делов! Гигиенично и практично! Работают теперь чекисты с перевыполнением: едва арестовывать успевают, чтобы передовая техника не простаивала...

* * *

— Тс-с! — шикает Тарас на Васю, — кажись, пойдэм...

Хрустит под ногами гравий — кто-то неторопливо шагает от паровоза. Шаги затихают в хвосте поезда и Седой говорит:

— Пожил я, братцы, помотался по разным странам и увидел, что большинство людей, путешествуя для познания жизни, узнают только то, что везде хорошо, а дома лучше! И понял я, что самое интересное в этом мире не храмы, музеи и чудеса природы, а люди. Каждый человек, даже просидевший всю жизнь на месте, столько интересного про своё место, прогретое задницей, знает, что нигде этого не прочитаешь! Только живём мы глупо: суетливо и бестолково. Встречаешь соседа: «Привет! — Как жизнь? — Нормалёк! — Бывай!!» Вот и поговорили. Сто лет проживёшь под одной крышей с кем-то, а ничего о нём не знаешь. Некогда общаться! И я и сосед спешим в умную книжку нос уткнуть, чтобы жизнь постичь. А что узнаешь про жизнь, даже из лучших книг? Всё там — нафталин. Много лет я потратил, постигая мысли мудрецов о человеке... много книг прочитал и лекций прослушал. И понял, что знания о человеке даёт не Сорбонна, а российская кича, где общаются с соседями по шконкам без обывательского выпендрёжа, не поглядывая украдкой на часики. А общение с ближним — не это ли главное?

Есть в евангелии от Луки замечательный

разговор Иисуса Христа с сёстрами Марфой и Марией. Пока Марфа «заботилась о большом угощении» для Иисуса и Его учеников, Мария «села у ног Иисуса и слушала слово Его». А когда Марфа стала укорять сестру в безделии, Иисус сказал ей:

«Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом. А одно только нужно. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у неё» (Лк.10:41).

Общение оценил Христос важнее ужина для дюжины голодных мужчин! И раз уж предоставил нам Господь возможность неспешного общения, постараемся использовать её как следует. Расскажу я вам, братцы, то, что знаю о Париже. Но пусть и каждый расскажет про город в котором жил. Где ты жил, Вася?

— В Лебедяни...

— Ле-бе-дя-ань... — как карамельку, причмокнув, просмаковал Седой, — что за прелесть — Лебедянь! Как из сказочки!

— Та ще шоб жинку гарную, шоб борщ та варэники варыла... — добавляет Тарас, которого трапеза из сухарика с кусочком сала приводит в уныние, даже после лагерной баланды.

— Даст Бог, будут борщи и вареники. Баланда ни мне, ни тебе не светит: вышак, ты да я, честно заработали. У нас одна забота: покуралесить на

воле! Жить, как советские живут — только время терять. Но везде, где хочется, побывать, — проблема... велика Россия, а мир — ещё больше! Вот и интересно мне, когда встречаю я человека, который не счёл бы за труд рассказать про то, что для него обычно и привычно: про свой городочек, про край, станицу. И тебе, Тарас, есть, что вспомнить, кроме казачьего меню...

— Хиба ж про шо?

— Кто ты по национальности?

— Мы — кубанЦЫ, — отвечает Тарас, рубанув ударением по последнему слогу. Казачки з Кубани — русские!

— А на каком же языке ты говоришь?

— А як уси кубанцы размовляють.

— Ты же, Тарас, по украински говоришь! Вот и Расскажи: как, когда и откуда твои предки на Кубань попали? А я дополню твой рассказ. Расскажу о том, как Россию, единую и неделимую, которую деда завещали нам беречь пуще жизни, большевики испоганили границами республик. В том числе, между украинцами и русскими. И провели эти границы по невежеству так, что абсолютно русский Донбасс оказался на Украине, а украинская Кубань — в России! А потом расскажу я, к чему приведёт это преступление...

— А я думал: украинский язык — деревенский язык, — встречаю в разговор и я, — у

нас во Владике говорят по-русски, а в деревнях Приморья, — по украински...

— А вот пример — того не мохначе! На Дальний Восток переселили сотни тысяч украинцев-хлеборобов. И стали города русские, а села украинские! И как провести границу между русским парнем, балакающим по-украински и украинской дывчиной, говорящей по-русски?... А чтобы вы не только про вареники думали, я, как закончу делать шахматы, начну...

Железный лязг заглушает Седого. Вагон дёргается — поехали... И все углубляются в работу. Тарас продолжает совершенствовать механику управления наружной щеколдой изнутри вагона и замысловато изгибает, прямо руками, толстенную проволоку. Вася добывает смазку из ящичков и смазывает дверные ролики. Оттуда же, из ящичков, добывает пергаментную бумагу и делает из неё герметичные коробки для гальюна. Я сперва верчусь возле Васи, засыпая его вопросами. Оказалось, что Тарас — не имя, а сокращение от кликухи «Тарас Бульба». Да и Вася — сокращенная кликуха: «Вася с парашютом», что по фене — блаженный ротозей. Наградили Васю такой кличкой за его доверчивость и простодушие в Верхотурской колонии, где тянул он срок на малолетке, до шестнадцати, вместе с часами и детской пятьдесят восьмой. А десятый пункт этой

статьи заработал Вася не за анекдот, как я думал, а за удивительное простодушие, феноменальное для страны советской!

Не всякая смерть печальна, иная — всенародный праздник! Двадцать первое января — день смерти Ленина — самый весёлый советский праздник: и день не рабочий, и на демонстрацию идти не надо! Это — пельменный день. На Пасху едят куличи с чайком, а в День Ленина — пельмешки под водочку. И торговля к этому дню обеспечивает народ не только водкой, но и дефицитом, которого нет целый год: белой мукой, пельменным тестом и мясом! Всё предусмотрено для того, чтобы весело поскорбел народ за кончину Ленина под пельмешки с водочкой и частушкой: Кушай, милый мой, пельмени — Будешь умный ты, как Ленин!

Но козе понятно, — Сталин умнее Ленина! Потому-то Сталин не в мавзолее, а на мавзолее. И проникнувшись логикой, которая шибает по мозге после пятого тоста: «За Сталина!» — даже, под пельмени, Вася, — перед тем, как почувствовать себя в своей тарелке (с недоеденным пельменем). заплетающимся языком высказал радостное предположение о том, что смерть Сталина будут в России праздновать кавказскими шашлыками и не один день, как смерть Ленина, а два! А коль рядом будет выходной, — так и три!!

Восторженное умиление Васи насчёт перспективы смерти Сталина не прошло незамеченным за праздничным столом в кругу Васиных одноклассников. И на завтра четырнадцатилетний оболдуй Вася по крещенскому морозцу, с головной болью и конвоем сотрудников НКВД, отправился в райцентр Елец, чтобы получить там заработанный пятак, который дали ему по малолетству, вместо традиционного червонца по статье пятьдесят восьмой, пункт десять. Этот пункт для тех злодеев, которые «агитацией ослабляют основы советской власти», как написано в УК. Значит, жидковаты «основы»: скользко соввласти на крови стоять! Тут гебухе не до смеха, коль эта власть не только от анекдота, а, даже, от бестактной реплики пьяного подростка, того и гляди, как не подкованная кляча на льду, кувыркнётся вверх копытами!

Глава 4. ТАЛАНТ

«Возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов»

(От Матфея)

На обед Седой раздаёт пАйки: два сухаря,

кубик сала, полкружки воды. Свою кружку Седой даёт мне, а он и Тарас пьют из одной. Раздавая пАйки, Седой пытается подложить Тарасу сухари потолще, из-за богатырской комплекции, Тарасу голодать труднее. Но Тарас басит обиженно:

— Тю! Подывыс! Чи тэбе повылазыло? Хлеборез хренов! Це нэ по товарищески...

И берёт маленькую пайку, которую Седой приготовил себе. Оставшись с большой пайкой Тараса, Седой смеётся:

— Значит, по товарищески, это когда всем поровну, а хлеборезу — больше?!

И отдаёт большую пайку мне. Я молча её хрумкаю, понимая: возражать бесполезно, — я младший. После обеда Тарас и Вася, заявив: «Час кантовки — год здоровья», — забираются в кубрик, а Седой продолжает изготовление дорожных шахмат, которыми можно будет играть на ходу. Затачивая на плоском камне гвозди и куски стальной ленты от обивки ящиков, Седой этими самодельными инструментами строгает, пилит, сверлит... Нарядная шахматная доска собрана из разноцветных кусочков дерева. Сидя рядом, я восхищённо слежу за его ловкими пальцами, в которых рождаются изящные фигурки.

— А я, Рыжик, не только в Сорбонне учился, — говорит Седой, заметив моё восхищение, — жизнь меня и до Сорбонны учила.

Чтобы в Сорбонне учиться, надо деньги иметь... Клиентом Парижского банка я не был, в гражданской войне не участвовал, пособие ни из Фонда, ни из Союза офицеров мне не светило. Работал я электриком и краснодеревщиком. Думал, — пригодятся мои профессии в России... но «товарищам» понадобился зек, а не мужик мастеровой... за то «спасибо партии родной»... а скольких талантливых, вернувшихся в Россию, сразу расстреляли! — «именем советского народа»?!

Желая помочь Седому, я забиваю деревянный шпинёк в фигурку ферзя. А фигурка, в которую столько вложено труда, — хрусть... Покраснев, зажимаю фигурку в кулаке. А Седой улыбается:

— Не переживай... и так бывает, когда «усердие умение превозмогает», как говорит Прутков Козьма.

Поезд шпарит без остановок, — станции только мелькают. Гулко грохочет деревянная коробка вагона, жестко вздрагивая на рельсовых стыках, но, если сидишь с собеседником голова к голове, — разговаривать можно. Видимо, Седой заметил, что я побаиваюсь угрюмого Тараса. И сейчас, когда грохот вагона изолирует нас от кубрика, Седой спрашивает:

— Ты «Ночь перед рождеством» читал? Тарас — тот же кузнец Вакула! — весёлый мужик и

добряк. А юморок — ого-го! Будто простачек... а ты бди! И палец в рот ему не клади! Себе на уме мужик: пошутит, — а как крапивой по голой жопе! Сам же под наивняка хляет. А угрюмость — от зоны. В зоне улыбаются слабаки, которые жалость клянчат. Улыбка на зоне значит: «не тронь меня — я слаб и не опасен!». Такими помыкают. А хмурость на зоне: «тронешь — убью!». Таких либо ломают, либо уважают. Зона круто людей меняет, а Тарас шесть лет зону топтал, всякого лиха по ноздри хлебал. Даст Бог — отмякнет на воле. Отпустит его зона, как болезнь, и улыбнётся Тарас.

Так вот, мудрейшая эта книжка — «Вечера на хуторе...» Есть там рассказ «Страшная месть», который заканчивается словами: «ибо для человека нет большей муки, как не мочь отомстить». Ты представь, сколько миллионов русских людей корчатся сегодня в муках, как Петро из того рассказа! Корчатся, как и он, не в силах подняться, чтобы мстить!! И в бессильной злобе грызут себя, как не отомстивший Петро грыз свои кости! Но придёт тот час, когда затрясётся земля русская, поднимутся не отомстившие и не отомщённые! Поднимутся они — страшные в своей беспощадности!! Мечтаю я о том часе и... боюсь его, ибо будет он страшней Апокалипсиса.

А связан этот рассказ Гоголя в моей памяти с приятелем во Франции — Иваном Алексеевичем

Буниным. Здесь, в СССР, о таком писателе, небось, не слышали. А в эмиграции его все знают — талант! Закончил он недавно роман «Жизнь Арсеньева». И есть в том романе строчки, которые я, не согласный с Иваном Алексеевичем, подчеркнул и несколько раз перечитал, а потому запомнил. Слушай!

«Страшная месть» пробудила в моей душе то высокое чувство, которое вложено в каждую душу и будет жить вовеки, — чувство священной законности возмездия, священной необходимости конечного торжества добра над злом и предельной беспощадности, с которой в свой срок зло карается. Это чувство есть несомненная жажда Бога, есть вера в Него. В минуту осуществления Его торжества и Его праведной кары, Он повергает человека в сладкий ужас и трепет и разрешается бурей восторга, как бы злорадного, который есть на самом деле взрыв нашей высшей любви к Богу и к ближнему...»

Показались мне эти строки противоречивыми и жестокими. Но, прочитав их несколько раз, понял я, что критика моя была не уместна, ибо рождены они озарением и идут не от писателя, а ЧЕРЕЗ него — от Бога! Не спроста же в Новом Завете говорится:

«Ибо праведно перед Богом — оскорбляющим вас воздать скорбью!» (2Фес.1:6).

А на востоке говорят: «Радость мести — самое чистое и благородное чувство, которым отличается человек от животного» И понатуре, все другие чувства человека не отличаются от чувств животных. Любовь и дружба — чувства животные: при всей их красоте, они не бескорыстны и побуждаются инстинктами продолжения рода, совместной охоты, защиты потомства... Коллективизм, — это вульгарный скотский инстинкт стада. А поощряется он советской властью потому, что управлять стадом легче, чем индивидуалами!

Совершенно чиста от корысти и инстинкта только ненависть. Она биологически необходима для очищения рода человеческого от вырожденков, а потому ни одно из других чувств не мобилизует силу и энергию так, как она! Но не надо путать рассудочную ненависть с безрассудным гневом, отключающим сознание. У юристов есть термин: «состояние аффекта», — когда и убийца становится неподсуден. Гнев — животное чувство, а ненависть — человеческое. Не спроста говорят на Сицилии: мечь, как заливная рыба, — вкусна, когда холодна!

Интересно, что ненависть не только удесятеряет силы, но и делает человека неуязвимым! Об этом знали викинги. Перед их неуязвимостью и жестокостью трепетала средневековая Европа! Самых свирепых и